Обито бродит по небольшой поляне, которую он создал, прикасаясь к печатям, вырезанным в стволах деревьев. "Тебе, я вижу, снился Узушио", - пробормотал он, и, хотя это прозвучало безразлично, Курама знал этого человека достаточно долго, чтобы понять, что это преддверие гораздо более долгого разговора.

"Да, когда мне снятся сны, - пробормотал он, глядя, как Обито плывет между деревьями. Он никогда не спрашивал, каково это - мокутон, но Кураме всегда было любопытно. Сам Хаширама говорил, что это власть над жизнью в большей степени, чем власть над растениями, природная энергия в чистом виде, и Курама знает, что Обито - по крайней мере, когда он в здравом уме - тяготеет к деревьям, растениям и природным явлениям.

Даже на пороге смерти, когда Обито перенес себя и Кураму после их последней схватки с Мадарой, он бросил их в ручей посреди леса. Тогда Курама думал, что это ошибка, что Камуи поступил неправильно, но теперь он в этом не уверен. Возможно, Обито бросил их в том месте, которое казалось его угасающему разуму живым и чистым.

"Единственная трагедия за последние пятьдесят лет, к которой я не причастен. Я рад, что ты зациклился именно на ней, учитывая многочисленные альтернативы", - легкомысленно замечает Обито, и будь на его месте кто-нибудь другой, Курама уже перерезал бы ему горло, или, по крайней мере, попытался бы это сделать. Но в его глазах - непостижимое горе, что-то огромное и сокрушительное, а Курама знает его с того самого момента, когда его безумие погибло на том травянистом поле боя; он может определить горе и вину в равной степени, когда они представлены так ясно.

Он также помнит, как бушевал Обито в ту ночь, когда на дне оврага нашли труп Какаши, без шарингана и с таким избитым телом, что Курама едва мог смотреть на него, несмотря на всю свою решимость. Он помнит яростное горе Обито при окончательном разрушении Конохи, когда войска Мадары сравняли пустую деревню с землей и оставили ее гореть, даже когда они обратили свое внимание на Кумо. Помнит, как Обито поднял из того ущелья потрепанную, израненную и окровавленную книгу, долго держал ее в руках, а потом спрятал в подсумок для кунаев. Он никогда не читал ее, но иногда по ночам Курама заставал его с книгой в руках, проводя пальцами по потрепанной оранжевой обложке с чем-то ужасно похожим на опустошение в глазах.

Курама никогда не спрашивал, что чувствует Обито, да и не нужно было - как и в случае с горем, он узнает любовь, когда видит ее. Это может быть семейная любовь, как у братьев, или романтическая, как у двух сильных и полностью сломленных мужчин. У Курамы никогда не хватало смелости спросить об этом, но какое бы чувство ни стояло за этим, он уважал страдания Обито. Независимо от того, какую руку тот приложил к разрушению Конохи, он чувствует такое же горе от ее потери, как и Курама, если не больше.

Но сказать об этом невозможно, и Курама замолчал, глядя, как Учиха прислоняется к массивному дубу в лунном свете. Снова полнолуние, как всегда в этом месте, и за тенью леса почти так же светло, как днем.

В конце концов Обито вздыхает и отворачивается, глядя на Кураму с чем-то усталым, как у

самого старого ветерана, в его единственном глазу. "Та печать", - говорит он.

Курама кивает, вновь скрещивая ноги и упираясь локтями в колени, а подбородком - в сцепленные руки. "Все быстрее", - говорит он. "Через неделю или две я смогу делать это в течение пяти минут. А пока мне просто нужно отточить его и поэкспериментировать с необходимым количеством чакры".

"Хорошо. Скорее всего, у нас есть немного времени, прежде чем это понадобится, но я бы предпочел, чтобы ты подготовил его. И она будет работать с любой печатью?"

На что он насмешливо хмыкнул. "Это звучит так, будто ты сомневаешься в моих способностях к запечатыванию, Обито. Что, ты мне не доверяешь?" Он невинно хлопает ресницами, глядя на брюнета.

Обито снова закатывает глаза. "Прекрати, ты снова будешь сниться мне в кошмарах. Просто продолжай работать над этой чертовой штукой. Если я знаю свое прошлое, ты и пяти минут не продержишься на половинной мощности - он тебя просто уничтожит".

"Может, устроить ему засаду?"

"Возможно, но маловероятно. И не смотри на меня так. Я расскажу тебе о плане, как только разберусь со всеми нюансами. Будь терпелив, малыш".

Курама тихонько рассмеялся и лениво потянулся. "Полагаю, я справлюсь с этим, если только ты в конце концов расскажешь мне. Но не затягивай, ладно? Я знаю, что ты гений тактики, но два глаза всегда лучше, чем один".

Обито отмахивается от него. "Да, да, иди, побродо по деревне еще, что ли. Мне нужно подумать, а ты никогда не даешь мне сосредоточиться. Уходи".

"Кто запечатал твою жалкую душу, чтобы выполнить твою последнюю, предсмертную просьбу?" Курама отвечает без всякого пыла. "Я мог бы бросить тебя в реке, знаешь ли".

Обито смотрит на него с одной стороны недоверчиво, а с другой - с тремя частями усмешки. "Правда? И ты потерял свой лучший шанс победить мое прошлое "я"? Даже ты слишком умен для этого, сопляк".

Курама отмахивается от него, с плавной грацией поднимаясь на ноги. "Маа. Главное, чтобы ты был готов в любой момент выследить своего глупого кузена. Если Нагато и Конан скрываются, а остальные мертвы, он будет нервничать".

"Ты должен быть более конкретным", - проворчал Обито. "Какой именно глупый кузен? У меня их несколько".

Наруто отвечает: "Очень глупый", - и щелчком пальцев завершает медитацию. Когда он возвращается в свое тело, то чувствует ворчание Обито, но оно неразборчиво. Может, это и к лучшему - он умеет ворчать, как никто другой, а уж выставлять себя на посмешище - лучше, чем Какаши мог себе представить.

Но он хороший союзник и хороший друг, независимо от того, как они встретились в первый раз, и Курама тщательно скрывает нахлынувшее на него чувство умиления. В конце концов, не стоит давать ублюдку слишком много боеприпасов.

Куренай Юухи тащится на Станцию ожидания джонинов - единственное место в Конохе, где гарантированно нет детей, - и старается не думать о Хокаге, посчитавшей ее подходящей для Команды 8. Не колеблясь, она подходит к дивану, на котором расположилась Анко, перекусывая данго, и со стоном опускается на подушки.

"Долгая ночь?" сочувственно говорит Анко, хотя в ее глазах светится озорство. "Тебе следовало сказать Асуме, чтобы он полегче с тобой обращался. Это..."

"Мы не встречаемся!" шипит Куренай, хотя ее щеки пылают. "Прекрати так говорить, Анко!" Однако она садится ровнее и устало добавляет: "Все дело в команде. Я не уверена, что смогу справиться с ними. Хината слишком робкая, Киба слишком наглый, а Шино слишком сдержанный. Если бы вы смогли соединить их всех вместе, то получили бы крепкого шиноби, но сейчас они..." Она беспомощно опустилась на пол, вскинув руки. "Я не знаю, что делать, Анко".

Анко смотрит на нее, явно не впечатляясь, а затем говорит совершенно обычным тоном: "Тсс. Разбудишь его, и следующий час будешь получать тумаки от Генмы-сенпая".

Куренай проследила за тем, как она дергает головой, и увидела незнакомую фигуру на диване в углу, тихонько дышащую во сне. Гранатово-рыжие волосы наполовину закрывают его лицо и переваливаются через край подушки на пол, а катана в синей обмотке прислонена к его боку, одна худая длиннопалая рука сомкнута вокруг рукояти. Она моргает, потому что, хотя она уже несколько недель была сосредоточена на подготовке своей команды, она думала, что услышит о том, что кто-то сдал экзамен на джоунина, по крайней мере.

"Кто?" - начала она, но не успела закончить вопрос, как Анко достала книгу "Бинго" и начала листать страницы. Куренай смотрит на нее, потому что она находится в самом конце книги, далеко за пределами страниц Конохи, и когда она наконец перекладывает книгу через щель, символ в верхней части страницы оказывается не стилизованным листом, а спиралью внутри круга.

Однако человек, изображенный на странице, полуотвернувшийся от фотографа так, что сквозь рыжую гриву видны только часть лица и часть голубого глаза, а в руке у него нераспечатанный меч, - это, несомненно, тот, кто спит на другом конце комнаты. И, независимо от

принадлежности к Узушио или нет, на нем сейчас надета хитай-атэ Конохи.

Куренай удается оторвать взгляд от реальной версии, чтобы пролистать страницу. "Узумаки Курама, по прозвищу Красный Метель, из бывшей деревни Узушиогакуре. Охотник за головами ранга А и мастер печати, ответственный за доставку..." Ее глаза расширились при виде списка имен. "S-ранг? Всех?"

http://tl.rulate.ru/book/100817/3458553